

Покинув Ланьцзян, Лу Сяньчжоу заехал в больницу. Тот звонок Чжоу Ваньжун, судя по всему, был сделан с подачи старика Лу, так что стоило навестить его и послушать, что он скажет.

Дух у Лу Янхуэй был и впрямь неплох: он даже мог составить компанию Момо в видеоиграх. Хотя лицо выглядело не столь здоровым, как обычно, по сравнению с тем временем, когда только разразилось дело, ему явно стало лучше.

Похоже, смерть Ян Цинь принесла ему немало душевного спокойствия.

Лу Сяньчжоу немного постоял в дверях, но первым его заметил Момо:

— Второй дядя.

— Мм. — Лу Сяньчжоу вошел в палату. Чжоу Ваньжун поднялась первой и, не смея поднять на него взгляд, неестественно отвернулась в сторону и произвела: — Момо, бабушка пойдет погуляет с тобой.

Лу Янхуэй тоже не стал возражать. Он отложил игровую приставку, тихонько уселся на стул и потянул за край легкой куртки.

В воздухе висела духота и влажность, и Лу Янхуэй чувствовал, что его собственные жизненные силы тоже подходят к концу.

Лу Сяньчжоу так и стоял перед ним — точно так же, как много лет назад в тот день, когда принял из его рук корпорацию Лу, с отрешенным лицом, на котором не отражалось никаких эмоций.

Лу Янхуэй бросил на него лишь один взгляд и отвел глаза.

Лу Сяньчжоу был для него не просто сыном. Пока тот жил на этом свете, он каждую секунду напоминал о совершенной им когда-то роковой ошибке, ставшей несмываемым пятном на всю жизнь.

Каждый раз, видя перед собой это живое напоминание, он до боли в сердце желал стереть его с лица земли. К счастью, парень оказался смысленным и, едва немного подрос, поселился в школе и больше не возвращался домой.

И всё же отношения между отцом и сыном застыли на точке замерзания, и никто не осмеливался нарушить молчание, словно по молчаливому сговору. Точно так же обстояло дело и сейчас: ни один из них не собирался заводить разговор первым.

Подавив эмоции, Лу Янхуэй проглотил поднявшуюся внутри неприязнь.

— После моей смерти я оставляю тебе и твоей матери немного недвижимости — этого хватит, чтобы обеспечить безбедную жизнь вам обоим и Цяо Цзиню.

Лу Сяньчжоу промолчал.

Лу Янхуэй и не рассчитывал на ответ и продолжил сам:

— Если захочешь, я могу помочь тебе открыть небольшую компанию. Тебе больше не придется работать на Чжу Чуаня — жить на чужом попечении вечно не дело.

Черты лица Лу Сяньчжоу остались неподвижными. Он-то думал, что Лу Янхуэй давно знает: фирма, записанная на имя Чжу Чуаня, на самом деле принадлежит ему. Оказывается, тот был ни сном ни духом.

— Я знаю, что ты ненавидишь меня, и столько лет был плох с тобой, совсем запустил. — Лу Янхуэй опустил голову, тихо вздохнул, закрыл лицо руками и, казалось, слегка задрожал.

— Ничего страшного, если ты не признаешь меня отцом, и даже если ты во мне ошибаешься — тоже. Но неужели ради какого-то постороннего человека тебе обязательно нужно сжить меня со свету, чтобы обрести покой?

Лу Сяньчжоу ждал, пока тот закончит.

— Мне уже недолго осталось, и даже если я попытаюсь себя оправдать, в этом больше нет смысла. Но ты не смеешь ополчаться на старшего брата, он ни в чем не виноват.

— Его ноги отнялись только потому, что он пытался помочь тебе. Считай это платой за то, что ты ему должен. Если в тебе осталась хоть капля совести, прекрати цепляться за это дело, я умоляю тебя, отец. — С этими словами Лу Янхуэй попытался опуститься на колени. Лу Сяньчжоу не стал его останавливать. Он просто посмотрел на стоящего перед ним на коленях отца и с холодным безразличием произнес:

— Выговорился?

Сделав два шага назад, Лу Сяньчжоу встал рядом с ним и холодно бросил:

— По крови ты мой отец, и принимать от тебя такой поклон я не стану. Но перед лицом закона о наркотиках ты должен встать на колени перед каждым.

Лу Янхуэй на мгновение потерял дар речи, горько усмехнулся, поднялся с пола и с прямой спиной снова сел на стул. Словно одна пьеса подошла к концу и началась другая, смена выражений на его лице произошла так быстро, что застала врасплох.

— Не хочешь еще немного поиграть роль?

Лу Янхуэй:

— Тебя всё равно не обманешь, забудь.

Лу Сяньчжоу поднял руку и взглянул на наручные часы.

— Если верить времени, Чжан Дэюй уже передает собственные улики. Пройдет от силы еще час, и ты вернешься из больницы в камеру предварительного заключения.

— Я твой отец!

— Ни один из нас никогда по-настоящему не верил в эти отношения, разве нет?

— Какая тебе польза от того, что ты меня засадишь! К тому же это дело не причинило тебе никакого реального вреда, верно? Во-первых, тебя в него не втянули, а во-вторых, ты заполучил Цяо Цзиня, так что заслуги и проступки должны взаимно погаситься.

До тех пор пока старик не упоминал Цяо Цзиня, Лу Сяньчжоу еще мог разговаривать с ним спокойно. Но стоило прозвучать этому имени, как он тут же холодно усмехнулся:

— Не причинило реального вреда? Старик Лу, у вас вообще сердце из мяса сделано?

— Что ты хочешь сказать?

— Когда я впервые встретился с вами, я на карманные деньги, которые копил очень долго, долго выбирал и купил для вас маленькую фарфоровую чашечку. Но как могла такая вещь угодить в глаза старику Лу? У вас был куда более любимый Лу Пинъянь, и мой подарок, преподнесенный обеими руками, вы разбили вдребезги.

— Когда я вернулся домой, заняв первое место в параллели, в надежде, что вы станете ко мне чуточку добрее, вы укатили за границу путешествовать с любимым сыном.

— У меня были собственные планы на будущее, но вы решили, что позор рухнувшей корпорации Лу не должен пасть на Лу Пинъяня, и заставили меня бросить учебу и разгребать это дерьмо. А где в это время был ваш сынок? Он транжирил деньги налево и направо, будучи самым избалованным и беспечным молодым господином в высшем свете.

Голос Лу Сяньчжоу звучал ровно. В каждом его слове не было слышно упрека — только бесстрастная констатация фактов.

— Единственное, что я получил от вас — это кров в моих венах да имя. Положив руку на сердце, скажите, неужели за столько лет вы хоть на мгновение взглянули на меня по-настоящему, как на своего сына?

Лу Янхуэй не находил слов. Он никак не ожидал, что в сердце Лу Сяньчжоу таится столько обиды, и эта ненависть едва не душила его.

— Я с самого твоего детства знал, что ты холоден и бесчувственен, но не думал, что ты окажешься способен засадить за решетку собственного отца.

Лу Сяньчжоу не стал оправдываться и лишь произнес:

— Сунь Канхуа оказал мне услугу.

Он должен был восстановить справедливость ради Сунь Канхуа.

В этот момент в дверь палаты постучали. Двое людей в полицейской форме, прямых словно сосны, вошли внутрь и привычно окликнули:

— Лу Янхуэй, пройдемте с нами еще раз.

Глядя на Лу Янхуэя, Лу Сяньчжоу тихо сказал, когда они поравнялись в проходе:

— Живите долго, папа.

Шаги Лу Янхуэя на миг замедлились. Казалось, он впервые услышал, как Лу Сяньчжоу назвал его отцом, и в этом слове таилось столько эмоций, что он был не в силах уловить их истинный смысл.

Но в одном он был уверен: к сыновним чувствам это не имело никакого отношения.

А Лу Сяньчжоу тем временем повернулся и вышел из палаты раньше него. Густой запах дезинфицирующих средств и лекарств не давал вздохнуть полной грудью, но воздух за окном был прекрасен.

И погода стояла отличная.

Ранняя весенняя прохлада вскоре должна была отступить, уступая место лишь слепящему блеску и яркому сиянию ряби на воде.

Цяо Цзинь до этого брал немало отгулов, и Лу Сяньчжоу, опасаясь, что в школе парня станут

третировать учителя, специально выделил целый день, чтобы лично отвезти его на занятия.

— Цяо-Цяо, просыпайся.

Цяо Цзинь захлопал сонными ресницами, зевнул и снова забился в его объятия, капризно протянув:

— Хочу на ручки.

Лу Сяньчжоу с легким смешком хлопнул его по задку:

— На какие именно ручки?

Почувствовав нескромность его ладони, Цяо Цзинь машинально послушно последовал за его движениями и замер, смущенно выдохнув:

— Не знаю... Хватит говорить.

— Есть хочешь?

Тут Цяо Цзиню уже было не до капризов. Красный как рак, он оттолкнул его:

— Не наглай.

— Непослушный обжора. — Лу Сяньчжоу убрал руку и легонько щелкнул его по губам, поддразнивая: — Малыш, вчера вечером, когда я вернулся и застал тебя за репетицией в танцевальном зале... сможешь ли ты с таким полным животиком еще и танцевать?

Не выдержав этих издевательств, Цяо Цзинь натянул одеяло прямо на голову и наотрез отказался отвечать.

На самом деле никакого вреда от этого не было — разве что легкое ощущение распирания, из-за которого выполнять сложные движения становилось чуточку неудобно, но куда сильнее давило психологическое смущение.

Лу Сяньчжоу обнял его поверх одеяла и с умиленным вздохом произнес:

— Глупый мой Цяо-Цяо, моё сокровище.

Сказав это, он похлопал по одеялу, поднялся на ноги и бросил:

— Ладно, давай вставай, не то опоздаешь, и твой учитель еще решит, что это я тебя так измотал, что ты с кровати подняться не можешь.

Не успел он договорить, как Цяо Цзинь единым движением сдернул одеяло и высунул голову.

В этих словах не было ни единого пошлого звука, но сколько же двусмысленности слышалось в них! Залившаяся румянцем щек, Цяо Цзинь пробормотал:

— Ты бессовестный.

Стоя к нему спиной, Лу Сяньчжоу переодевался. На его крепкой спине четко проступали рельефные мышцы, на которых смутно виднелись свежие следы от царапин и укусов — всё это оставил он сам.

Ниже открывалась сильная, стройная поясница, излучавшая скрытую мощь и готовность в любой момент сорваться с цепи; казалось, от каждого толчка он может разлететься на кусочки, и Цяо Цзинь каждый раз страшно боялся погибнуть под ним.

Внезапно Цяо Цзинь почувствовал, как в носу защипало, и в следующую секунду резко зажал его руками.

Лу Сяньчжоу обернулся:

— Цяо-Цяо, теб... что с тобой! — С этими словами он торопливо подбежал, отнял руку Цяо Цзиня от лица и увидел кровь.

— Да что случилось!

Вскинув голову, он увидел, что из носа Цяо Цзиня капает кровь. Мужчина тут же принялся оказывать первую помощь, и лишь когда кровотечение остановилось, облегченно выдохнул:

— Надо же, у твоего мужа такая фигура, что у тебя аж носом кровь пошла?

Цяо Цзиню было уже стыдно показываться на глаза. Овернувшись, он отнекался:

— Н-ничего подобного.

— Правда ничего? — Лу Сяньчжоу перехватил его руку и прижал к своей пояснице, тихо поддразнивая: — Стоило расслабить вожжи всего на пару минут, как ты уже по нему соскучился?

— Нельзя говорить, нельзя! — Цяо Цзинь потянулся, чтобы закрыть ему рот.

— Молчу, молчу. Вставай, я помогу тебе умыться. — Лу Сяньчжоу перехватил его запястье, отвел в ванную, намочил полотенце и стал вытирать ему нос, приговаривая со смешком: — Малыш, а огоньку-то в тебе через край.

— Опять ты!

Цяо Цзинь был готов сквозь землю провалиться от собственной никчемности, мысленно ругая себя за то, что стоило ему взглянуть на царапины на спине и пояснице, как у него тут же шла носом кровь — подумаешь, невидаль, ведь видел же уже!

— Раз уж так, сегодня пойдешь в школу со вчерашним внутри. — Лу Сяньчжоу прижался губами к его уху и едва слышно прошептал: — Чтобы не скучал по мне.

Услышав это кошмарное предложение, Цяо Цзинь безумно затряс головой:

— Нет-нет, ни за что!

— Хороший мой Цяо-Цяо, всего разок. — Пасты пришли на смену зубам, и Лу Сяньчжоу легко прикусил мочку его уха, ласково и соблазнительно уговаривая: — Если совсем немоготу станет, зайдешь в туалет и всё почистишь, ладно?

Цяо Цзинь был абсолютно не в силах противиться, когда Лу Сяньчжоу заговаривал с ним таким мягким и слегка лукавым тоном, и инстинктивно послушно подчинялся.

Особенно когда его мочка уха оказывалась зажата между пальцами, а над самым ухом раздавалось это низкое, сбитое дыхание — точь-в-точь как каждую ночь, когда тот склонялся к нему на самой вершине наслаждения.

Не в силах сопротивляться, Цяо Цзинь уткнулся ему в грудь и едва заметно кивнул.

Сердце Лу Сяньчжоу защемило от этой податливости. Поддерживая его за затылок, он с нежностью похвалил:

— Умница.

Раньше всю одежду Цяо Цзиню покупала Ян Цинь, а после замужества — Лу Сяньчжоу. Гардероб состоял примерно из одних и тех же вещей, а смену сезонов обеспечивал Лу Сяньчжоу, заранее складывая обновки в шкаф.

Он никогда в жизни не задумывался о том, чтобы самому выбирать себе одежду.

Но стоило ему по наитию решить подобрать наряд для Лу Сяньчжоу, как он тут же растерялся.

Закончив умываться, Лу Сяньчжоу вышел из ванной и, не обнаружив никого в комнате, обошел квартиру, пока не застал Цяо Цзиня в гардеробной: тот стоял с кислым выражением лица, то и дело хватаясь за собственный пиджак, а потом разочарованно отпускал его и качал головой. Мужчина с улыбкой легко хлопнул его по плечу:

— О чем задумался?

— Старший брат...

Лу Сяньчжоу, заметив его растерянный и обиженный вид, тут же участливо спросил:

— Что такое? Неужели винишь старшего брата за то, что обижал тебя? Я же пошутил, если не хочешь — давай не будем.

Цяо Цзинь закусил губу и покачал головой:

— Я вдруг понял, что ты с самого дня нашей свадьбы только и делаешь, что заботишься обо мне, а я о тебе — никогда.

Лу Сяньчжоу с облегчением выдохнул, потрепал его по макушке и с улыбкой сказал:

— Заботиться о тебе — моя обязанность, не нужно испытывать вину.

Цяо Цзинь тихонько проговорил:

— Но я тоже хочу заботиться о тебе. Ты дал мне так много всего, и я тоже хочу отплатить тебе за это тысячекратно.

Улыбнувшись, Лу Сяньчжоу согнул палец и легко щелкнул его по лбу:

— Глупышка. Всё, что ты мог мне дать, я уже получил. Вернее сказать, ты всегда отдавал мне самого себя целиком, и я более чем доволен.

Но Цяо Цзиню этого всё равно казалось мало. Настойчиво выбрав повседневную рубашку с воротником-стойкой и куртку, он чуть приподнял подбородок и принялся старательно застегивать на нем пуговицы.

Лу Сяньчжоу пользуясь случаем обнял его за талию:

— Ты уже подарил мне дом и пообещал будущее. Это куда ценнее всего, что я мог бы тебе дать.

<http://bllate.org/book/21169/2144704>